

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

В ТЕНИ СИЯТЕЛЬНОГО БРАТА: ДИПЛОМАТ И ФИНАНСИСТ Н.Д. КИСЕЛЕВ

М.А. Елистратов, С.В. Татаринов

Банк России
Департамент внешних и общественных связей
ул. Неглинная, 12, Москва, Россия, 107016

В статье рассматривается участие известного российского дипломата Николая Дмитриевича Киселева в финансовых операциях по приобретению и продаже французской ренты в середине XIX в. – редкий пример кредитования Россией промышленно развитой западноевропейской страны. Все архивные документы, использованные в материале, как на языке оригинала, так и в переводе, публикуются впервые.

Ключевые слова: Франция, Киселев, рента, Банк Франции, министерство финансов, Бино, Гизо, д'Аргу, Нессельроде.

История России богата фамилиями и дворянскими родами, представители которых оставили яркий след во внутренней и внешней политике Российского государства. И сегодня их дела, связанные со служением родной стране, вызывают у потомков чувство гордости и заставляют еще раз убедиться в величии и самобытности своей Родины.

Одними из таких носителей знатных, в лучшем смысле слова, фамилий были представители рода Киселевых.

Киселевы принадлежали к старинному дворянскому роду, занесенному в IV часть «Родословной книги Московской и Пензенской». В соответствии с Жалованной грамотой дворянству в эту часть родословных книг вписывались древние благородные дворянские рода, доказательства дворянского достоинства которых восходят к 21 апреля 1685 г. Род Киселевых происходил от Свентольдия, бывшего в XII в. военачальником в Киеве при Владимире Мономахе. Свентольдий получил прозвище «Кисель» за военную хитрость, с помощью которой он освободил Киев от осады печенегов:

«Когда в Киеве наступил голод и осажденные начали приходить в отчаяние и падать духом, Свентольдий велел вырыть две ямы, в одну из которых на-

сыпал муки, а в другую налил воды и, подсластив ее медом, смешал, что и образовало смесь вроде киселя. Киевляне, увидев, что земля их производит муку и мед и сама дает готовую пищу, приободрились и отбили неприятеля» (1).

Собственно над этими ямами и был сооружен шатер (впоследствии изображаемый на гербе), а воевода Свентольдий от этого события получил свое прозвище Кисель.

«Предок фамилии Киселевых, – читаем в описании фамильного герба, – Свентольдий Кисель, в древнейшие времена при владении российского Великого князя Владимира Мономаха был полководцем и оказал знатные услуги. Потомки сего Свентольдия, равным образом с самого начала в Польше, а напоследок многие и российскому престолу служили дворянской службой в разных чинах и жалованы были от государей поместьями. Все сие доказывается справкой разрядного архива, родословной Киселевых и другими документами» (2).

Но это пока предания да легенды. Достоверные сведения о династии Киселевых как российских дворянх начинаются с Ивана Киселева, бывшего воеводой в Великом Устюге в 1452 г. В разные времена их предки занимали достаточно высокие должности на военной и государственной службе. Так, сын Ивана Киселева Михаил был воеводой в Нижнем Новгороде в 1469 г., а его брат Филипп – полковым воеводой в литовском походе 1514 г. При императоре Павле I Ф.И. Киселев дослужился до генерал-лейтенанта, а его брат Павел – до генерал-майора. Таким образом, Киселевы к началу XIX столетия представляли собой старинный дворянский род с оформившимися военными традициями.

Особое внимание исследователями начиная с XIX в. уделяется деятельности Павла Дмитриевича Киселева – известного военачальника, администратора и дипломата. Кстати, об этом позаботился сам Павел Дмитриевич еще при жизни, оставив, по воспоминаниям своего не менее знаменитого племянника Дмитрия Алексеевича Милютин (военного историка и опять же многолетнего военного министра Александра II), 10 000 руб. на написание собственной биографии.

В итоге уже в 1882 г. в Санкт-Петербурге вышел четырехтомный труд Андрея Парфеновича Заболоцкого-Десятковского «Граф П.Д. Киселев и его время» (3) (Похвальный пример предусмотрительности и достойная оценка собственного места в истории).

Весьма многочисленны и современные публикации, посвященные дипломатической деятельности П.Д. Киселева.

Однако «в тени сиятельного брата» в историографии как бы затерялся образ Николая Дмитриевича Киселева, жизни и деятельности которого посвящено весьма немного работ, в частности, исследование О.В. Орлик «Российский дипломат Н.Д. Киселев» (4). К тому же во всех них рассматривается только дипломатическая стезя Киселева Н.Д. Мы бы хотели в этом очерке рассказать еще об одной черте этой незаурядной, богато одаренной природными талантами личности.

Николай Дмитриевич Киселев родился 24 июня 1802 г. в Москве, в семье помощника управляющего Московской оружейной палатой, действительного статского советника Дмитрия Ивановича Киселева (1761–1820 гг.) и княжны Прасковьи Петровны Киселевой (1763–1841 гг.). У Николая Дмитриевича было три брата: уже известный нам Павел, Сергей (впоследствии действительный статский советник и председатель Московской казенной палаты) и Александр, а также три сестры: Елизавета (впоследствии вышедшая замуж за действительного статского советника А.М. Милютина), Варвара и Александра.

Значительную роль в воспитании детей играла мать Прасковья Петровна Киселева (урожденная княжна Урусова), которая, по словам П.Д. Киселева, «составляла связь, узел семейный», привила детям чувство справедливости, ответственности и большое трудолюбие.

После гибели в 1806 г. во время русско-турецкой войны старшего брата Александра заботу о младших братьях Сергее и Николае взял на себя Павел Дмитриевич (1788–1872 гг.), которому тогда только исполнилось 18 лет. После смерти отца он фактически стал главой семьи. С большим вниманием следил он за образованием всеобщего любимца Николая, которого сначала хотел поместить в Ришельевский лицей под ближайший свой присмотр, но затем отправил в Дерптский университет. В 1823 г. Николай со степенью кандидата выпустился из университета и определен с помощью друзей старшего брата «Алексея Федоровича Орлова и графа Нессельроде на службу в Министерство иностранных дел» (5).

Блестящие служебные успехи старшего брата Павла, который питал к нему очень теплые чувства, облегчили Николаю Киселеву продвижение в карьере, ради которой он был готов пожертвовать даже чувствами к женщинам. Одна из его современниц Анна Оленина, которую ее тетушка В.Д. Полторацкая хотела просватать за одного из своих братьев, записала в своем дневнике 25 сентября 1828 г. в отношении жениха Н.Д. Киселева, которому прекрасно знала цену: «Николай Дмитриевич Киселев теперь пойдет в люди. Его брат (Павел Дмитриевич) в большом фаворе. Да и сам он умен. Жаль только, что у него нет честных правил насчет женщин» (6).

Нам трудно судить о справедливости этой характеристики, но, несмотря на всяческие ухищрения со стороны потенциальной невесты, несостоявшийся жених, в конце концов, оправдался тем, что «его имение в расстроеном положении и не позволяет ему помышлять о супружестве» (7). Отчасти это было правдой, ибо «собственный дом Киселевых на Никитской улице в Москве после смерти Дмитрия Ивановича был продан для уплаты оставленных им долгов. Прасковья Петровна с Татьяной Ивановной, двумя дочерьми и Сергеем Дмитричем жили в наемной квартире на Арбате» (8).

Вспоминая о своем поступлении на службу в Министерство иностранных дел, Н.Д. Киселев позднее писал: «Мой брат рекомендовал меня графу Нессельроде. Грибоедов был другом нашего дома, он хотел увезти меня с

собой в Персию, но граф Нессельроде велел взять ему Мальцева и сказал: я берегу маленького Киселева для большого посольства в Париже или Риме, он в совершенстве знает французский язык. У него есть такт, у него приятный характер и он всюду сумеет приобрести друзей» (9).

Опытный дипломат обладал необычайным даром предвиденья в отношении своего протече, которому придется сыграть ведущие роли не только на дипломатическом поприще, но при проведении крупных межгосударственных финансовых операций.

Дипломатическая служба Киселева началась с 1826 г., когда он был включен в состав посольства будущего генерал-адмирала князя А.С. Меншикова, которое было отправлено в Персию. Однако уже в ноябре Николай Дмитриевич возвратился из Тегерана в Москву. В своих воспоминаниях Д.А. Милютин пишет, что «...ему впервые удалось увидеть своего младшего дядю. В то время он имел вид юноши веселого, забавного, остроумного. В Москве он пробыл недолго, вторичный его приезд доставил большое удовольствие старушке матери, тем более навестивший ее князь А.С. Меншиков расхвалил ей своего молодого подчиненного» (10).

В мае 1827 г. Н.Д. Киселев опять посетил своих родных проездом на Кавказ. По случаю войны с Персией ему надлежало состоять при главнокомандующем генерале И.Ф. Паскевиче в качестве чиновника Министерства иностранных дел. В Москве молодой Киселев пробыл недолго, и в конце мая он уже был под Эриванью в главной квартире действующего корпуса.

Смерть А.С. Грибоедова, которого Н.Д. Киселев очень хорошо знал, потрясла молодого дипломата и пробудила в нем героические чувства. По этому поводу Смирнова-Россет писала: «Я бросилась к нему на шею и сказала ему: “Мой ангел, ты мог быть убит”. Неизбежно! Я бы не прятался так подло, как Мальцев, я бы дал себя зарубить, как Грибоедов, во-первых потому, что я его любил и еще потому, что это значило умереть на посту, как часовой» (11).

Конечно, как любому молодому человеку Николаю Дмитриевичу хотелось покрасоваться перед дамой, но несмотря на юношеский романтизм, именно этим чувством верности своему долгу руководствовался на протяжении всей своей карьеры Н.Д. Киселев, которому, как, впрочем, и каждому простому смертному, не были чужды земные радости и удовольствия, которые наполняли его жизнь и сопровождали на дипломатическом поприще. Однако он не позволял себе забывать о соблюдении интересов своей державы, оставаясь верным и преданным слугой своего Августейшего монарха и великой Родины.

В 1829 г. Николай Дмитриевич Киселев был назначен секретарем при посольстве России в Париже. В 1834 г. получил звание камергера и в 1837 г. занял пост советника посольства в Лондоне. Уже в том же году, а также в 1839–1840 гг. исполнял там должность поверенного в делах.

Именно к этому периоду относится описание внешности Н.Д. Киселева, приведенное в «Воспоминаниях» Смирновой-Россет в главе, посвященной

молодому дипломату: «Он был среднего роста, у него были красивые черные волосы, тщательно расчесанные бакенбарды, окаймляли овал лица, глаза его ласково улыбались... Он всегда был одет в черное... Черный галстук, никогда никаких украшений, только перламутровые запонки на рубашке и две очень простые, золотые на рукавах» (12), что, несомненно, говорит об элегантности, светскости Киселева, которая выгодно выделяла и весьма положительно его характеризовала в глазах руководящих деятелей иностранных государств, с которыми ему пришлось иметь дело на протяжении своей дипломатической карьеры.

В 1840 г. Н.Д. Киселев был переведен советником в Париж и в следующем году получил чин действительного статского советника.

В период с 1841 по 1851 г. он исполнял в Париже должность поверенного в делах, а с 1851 г., вместе с пожалованием в тайные советники, был назначен находиться по особым поручениям при французском правительстве и управлять русским посольством во Франции.

Именно с пребыванием в Париже связаны решающие события в политической жизни Франции и собственной служебной карьере Н.Д. Киселева, а также крупные межгосударственные финансовые операции, проведение которых ему было доверено и которые к репутации талантливого дипломата добавили и квалификацию способного и рачительного экономиста.

Жизнь Николая Дмитриевича Киселева в этот период ничем не отличалась от образа поведения других иностранных дипломатов. Бесчисленная череда приемов, посещение оперы, спектаклей, светских салонов и вечеров.

Как отмечали в то время зарубежные дипломаты, правительство Российской Империи, как правило, отводило своим дипломатам роль разряженных галунами и золотом официальных лиц, которые должны были «светиться» на всех официальных мероприятиях и театральных представлениях: «В то время как Нессельроде осуществлял в секретном порядке необходимые мероприятия, посол в качестве позолоченного манекена служил ширмой, чтобы скрыть проекты, которые затевались за его спиной; всех забавляла его роль покровителя искусств и артистов, частое присутствие на спектаклях в “Комеди франсэз”. Увлеченность послов артистками и балеринами была широко известна в определенных кругах» (13).

При этом основная доля информации добывалась в ходе частного общения при посещении разного рода гостинных и закрытых светских раутов. В частности, этим славился салон княгини Ливен, урожденной Бенкендорф, которую связывали долгие близкие отношения с министром иностранных дел Франции Ф. Гизо и которая сыграла достаточно негативную роль в судьбе Н.Д. Киселева, о чем будет сказано ниже.

Как правило, сотрудники посольства Российской Империи, расположенного в то время на Вандомской площади в доме 12, проживали на территории дипломатического представительства, хотя его глава Н.Д. Киселев, очевидно, восполняя недостаток сытой и роскошной жизни, непознанной им

в более ранние годы, проживал вне стен посольства. Весьма интересное упоминание находим в мемуарах его современника – атташе посольства Австро-Венгрии в Париже Родольфа Аппони: «...с большим удовольствием я еще раз посетил великолепные апартаменты Киселева, расположенные по адресу ул. Фобур Сент-Онорэ, д. 33-б: красивые просторные богато меблированные комнаты, согретые теплом хорошо устроенного отопления. Дом, в котором проживал Киселев, был окружен просторными зелеными полянами с очаровательным видом на прекрасный парк, который заканчивался на Елисейских полях. Все вокруг мне казалось совершенством...» (14).

Но не домом единым славен был Н.Д. Киселев. Кулинарные изыски его повара и роскошь его обедов были широко известны в высших кругах парижского общества. Недаром в изданную в Париже книгу классической кухни был включен рецепт весеннего супа «а ля Киселев» (15).

Казалось, что ни экономический кризис, ни дефицит зерна и наличных денег в Европе и даже грозные раскаты революционных орудий не смогут нарушить размеренной и налаженной жизни российского дипломата.

Как вдруг в середине февраля 1847 г. в жизни Н.Д. Киселева наступил решительный поворот: в Санкт-Петербурге было принято решение выйти на финансовый рынок Франции, приобретя у Банка Франции крупный пакет ценных бумаг. Естественно, подобная операция, как тогда, так и сейчас, на этапе подготовки требовала соблюдения строжайшей секретности, особенно учитывавшая огромную по тем временам сумму сделки в 50 млн французских франков.

Это подтверждается, в частности, содержанием писем, которыми обменивались по поводу планируемой сделки руководящие деятели французского правительства:

«Записка министра финансов Франции Ж. Лякава Управляющему Банку Франции графу д'Аргу от 9 марта 1847 г.

Уважаемый господин Управляющий!

Прошу Вас прибыть сегодня вечером в мой кабинет в 20 ч 30 мин для обсуждения очень срочного и важного сообщения».

«Записка министра иностранных дел Франции Ф. Гизо Управляющему Банку графу д'Аргу от 11 марта 1847 г.

Мой дорогой друг,

Киселев хочет встретиться с Вами завтра, в первой половине дня. Прошу Вас не разглашать информацию об этой встрече. Прошу Вас довести аналогичные требования до господ, с которыми Вы будете встречаться.

Искренне Ваш» (16).

В дальнейшем Н.Д. Киселеву предлагалось незамедлительно вступить в переговоры с министром иностранных дел Ф. Гизо, довести только до него конфиденциальное предложение российского правительства, чтобы не до-

пустить снижения курсовой стоимости ценных бумаг на бирже и выработать основные условия реализации соглашения. Не имевшему экономического образования и специальной подготовки Киселеву, который в Дерптском университете прослушал курс наук только по истории, философии и литературе, была поставлена задача подготовить в сжатые сроки в условиях соблюдения полной секретности важнейшее межгосударственное соглашение, выработать условия сделки, а также заключить договор от имени правительства Российской Империи.

Не зря в свое время граф Нессельроде так берег своего любимца для «великих дел» в Париже. Николай Дмитриевич не обманул его надежд, и уже 12 марта 1847 г. в письме Управляющему Банку Франции он изложил основные положения будущего Соглашения:

«Конфиденциальное письмо поверенного в делах России во Франции графа Киселева Управляющему Банку Франции графу д'Аргу от 12 марта 1847 г.

Основы подписания соглашения о продаже французской ренты между Банком Франции и правительством России:

1. Банк Франции уступит правительству Российской империи бумаги государственной ренты на сумму не более 50 млн франков.

2. Правительство Российской империи приобретет в основном 5% французскую ренту. В случае, если количество 5% французской ренты, предложенное к продаже, покроет лишь часть суммы сделки, то на остаток суммы планируется купить в определенных пропорциях 3, 4 и 4,5% французскую ренту.

3. Цена сделки будет определена на договорной основе по курсу на момент подписания соглашения. Для Банка Франции сделка представляется достаточно выгодной с учетом того, что он продает большое количество французской ренты без снижения ее курсовой стоимости, которое могло бы иметь место при проведении Банком Франции этой операции на открытом рынке.

4. Оплата сделки будет произведена во французских франках на условии или условиях, предложенных Банком Франции» (17).

Соглашение, сумма которого по номинальному капиталу составила половину дефицита государственного бюджета Франции, было подписано 16 марта 1847 г. Уже 17 марта оно было ратифицировано на заседании Генерального совета Банка Франции.

В своем письме от 19 марта 1847 г. (18) по результатам заключения Соглашения Н.Д. Киселев писал Управляющему Банку Франции графу д'Аргу:

«Господин граф!

Подтверждаю получение Вашего письма, датированного вчерашним днем, которым Вы имели честь проинформировать меня о ратификации и утверждении Генеральным советом Банка Франции соглашения, подписан-

ного нами 4/16 марта текущего года, о продаже Банком Франции 2 млн франков 5% французской ренты и 142 тыс. франков 3% французской ренты правительству Российской империи.

Спешу подтвердить, господин граф, получение официального постановления Генерального совета Банка Франции об утверждении данного соглашения. Пользуясь случаем, выражаю Вам слова благодарности за документы, которые, по моей просьбе, Вы одновременно направили в наш адрес.

Позвольте мне, господин граф, выразить то глубокое удовлетворение, которое я испытал, приняв участие в переговорах о заключении соглашения, которые прошли в атмосфере искренности и порядочности, проявленными со стороны представителей Банка Франции, что способствовало созданию между нами отношений, которые заслуживают самой высокой оценки с моей стороны.

Прошу принять, господин граф, мои уверения в глубоком уважении по отношению к Вам.

Киселев, поверенный в делах России во Франции» (19).

Таким образом, было положено начало проведению широкомасштабной межгосударственной операции, задуманной и предложенной правительством Российской Империи, которая была подготовлена при непосредственном участии Н.Д. Киселева в крайне сжатые сроки, менее, чем за месяц, и имевшей далеко идущие политические и экономические последствия для обеих стран.

Оценивая важность этого соглашения, второй секретарь посольства Российской Империи во Франции, подчиненный Н.Д. Киселева, Виктор Балабин в своих воспоминаниях писал: «Авторы всех публикаций пришли к выводу, что мы не теряли время даром и в сжатые сроки провели одну из самых смелых и искусных операций, концепция которой может быть отнесена к шедеврам государственного управления, а придумавшая ее голова заслуживает самого восторженного восхищения. Никогда в жизни я не сталкивался с подобной реакцией. Как удар молнии, новость пронизала все слои парижского общества, начиная с высшего эшелона и до самых его низов. Удивление было всеобщим.

Россия не только накормила население Франции хлебом, но и способствовала ликвидации финансового кризиса, который парализовал промышленность и торговлю. Таким образом, с полным соблюдением наших важнейших национальных интересов были созданы основы мирного сосуществования, которые, несомненно, приведут в замешательство наших врагов» (20).

Нисколько не умаляя восторг молодого дипломата, трудно переоценить мудрость и прозорливость принятого решения, поскольку денежные средства, подлежащие выплате за ренту, должны были получены французской стороной в России, для чего туда был командирован заместитель Управляющего Банка Франции Шарль Верн, который был известен как один из лучших специалистов Банка Франции в области операций с векселями.

Таким образом, российское правительство планировало решить сразу несколько финансово-экономических задач: во-первых, стимулировать экспорт российского зерна во Францию за счет выплачиваемых той же французской стороне наличных за ренту, во-вторых, продемонстрировать французскому правительству в тяжелый момент свою готовность помочь деньгами, что могло иметь положительные долговременные как финансовые, так и политические последствия для французо-российских отношений.

После заключения Соглашения Н.Д. Киселев полностью погрузился в процесс технического сопровождения реализации сделки. Ему надлежало по указаниям из Санкт-Петербурга провести согласование отдельных пунктов соглашения, уточнить используемую Банком Франции финансовую терминологию, выбрать и предоставить кандидатуры уполномоченных комиссаров для получения французской ренты. Так, в своей переписке с Управляющим Банка Франции он указывал:

«Господин граф,

Спешу Вас уведомить, что в качестве кандидатур комиссаров согласно статье 11 настоящего соглашения мной избраны и дали согласие на исполнение полномочий Исаак Огюст Пьер Турнейсен, глава банкирского дома, расположенного по адресу Шоссе д'Антен дом 22, и Луи Жюль Моле, глава банкирского дома, расположенного на той же улице, но в доме 13. Банкирский дом Турнейсена, являющийся банкиром посольства Российской империи во Франции, будет использоваться в качестве временного депозитария французской ренты до момента ее окончательной передачи российскому правительству. С настоящего момента Турнейсен полностью переходит в Ваше распоряжение в интересах реализации данного соглашения. Убедительно прошу Вас, господин граф, проинформировать меня о необходимости исполнения с моей стороны каких-либо формальностей для обеспечения выполнения Турнейсеном и Жюлем Моле тех полномочий, которыми они были наделены с моей стороны» (21).

Н.Д. Киселеву приходилось также согласовывать величину брокерских комиссий, оформлять официальные бланки деклараций на получение ренты, передавать по запросу французской стороне различную справочную информацию, касающуюся Государственного Коммерческого банка в Санкт-Петербурге – основного партнера с российской стороны. Иными словами, он являлся лицом, координирующим и контролирующим ход исполнения соглашения, в части, касающейся передачи учетных записей ренты и получения за нее причитающихся сумм.

«В моем письме от 20 апреля с.г. я имел честь сообщить Вам о желании нашего правительства зарегистрировать ренту, полученную от Банка Франции, на имя Министерства финансов России. Полагаю, что данное решение

должно обеспечить Министерству финансов России вступление в полные права владения рентой. В соответствии с любезными замечаниями, высказанными руководителем отдела по трансфертам, которые были мне сообщены графом Пийе-Уиллем, который является уполномоченным комиссаром от Банка Франции, полагаю необходимым, дорогой граф, при окончательном трансферте в адрес Министерства финансов России добавить слова «с полномочиями на производство трансферта». Это дополнение обеспечит устранение возможных трудностей, которые могут возникнуть у отдела по трансфертам в случае продажи указанной ренты», – писал он Управляющему Банку Франции 7 мая 1847 г. (22).

С поставленной ему государственной задачей Н.Д. Киселев справился успешно. В июне исполнение соглашения от 16 марта 1847 г. между правительством Российской Империи и Банком Франции было успешно завершено. Однако не была завершена история французской ренты, которая в будущем получила интересное продолжение, в центре которого опять оказался дипломат и уже финансист Н.Д. Киселев.

Дипломатическая служба Н.Д. Киселева в последующие бурные годы, которые яркими страницами вошли в историю Франции, достаточно полно описана в некоторых исторических публикациях, в которых неоднократно приводятся доказательства его таланта дипломата.

Между тем благодаря участию в подготовке и реализации крупного межгосударственного соглашения между Банком Франции и правительством Российской Империи от 16 марта 1847 г. он приобрел бесценный опыт организатора и экономиста, хорошо разбирающегося в тонкостях финансовых операций, который в полной мере был востребован весной 1852 г., когда правительство Луи Бонапарта в целях экономии процентных расходов приняло решение осуществить конверсию 5% ренты, одним из держателей которых являлось Министерство финансов Российской Империи, в 4½% ренту.

Факт проведения этой операции на основании Декрета президента Франции от 14 марта 1852 г. явился совершенно неожиданным для большинства держателей ренты, в том числе и для российской стороны, которая на протяжении 5 лет получала устойчивый процентный доход по этой ренте. В секретной записке Особенной канцелярии по кредитной части на имя государственного канцлера Нессельроде указывалось, что процентный доход «за период с марта 1847 г. по 22 марта 1852 г. по 5% ренте составил 9 508 453 фр., а по 3% ренте 915 000 фр.» (23).

Естественно, французами двигало благое желание сэкономить. При этом для держателей ренты это решение означало как раз обратное – потерю 1/10 гарантированного процентного годового дохода по ренте на сумму 18,7 млн франков или по номинальному капиталу около 4 млрд франков, в том числе для России не менее 200 000 фр. в год.

Вскоре после официального опубликования Декрета Киселев кратко сообщил об основных его положениях в Санкт-Петербург:

«10 марта 1852 г.

Краткое содержание Декрета о конверсии ренты:

Гарантия от последующего снижения процента по новой ренте 4½% в течение 10 лет,

Срок в 20 дней, начиная с 2/14 марта [со дня подписания Декрета], для выбора между конверсией ренты или выплатами по ренте для держателей на территории Франции,

Срок в 2 месяца для держателей ренты – нерезидентов Франции, но находящихся на территории Европы,

Год для держателей ренты, находящихся за пределами Европы,

Держатели ренты, которые не определятся в установленные вышеуказанные сроки, считаются принявшими решение в пользу конверсии 5% ренты в ренту 4½%,

Министерству финансов [Франции] разрешено выпустить новую 4½% ренту с рекламой, аналогичной бонам казначейства, и указать, что выплаты по ренте будут осуществляться по сериям.

Курс 5% ренты в понедельник на бирже, то есть на следующий день после Декрета [15 марта 1852 г.], составил 101 франк 5 сантимов» (24).

В ответ на отправленное сообщение он получает указание от руководителя МИДа графа Нессельроде, которое ввиду его важности считаем необходимым привести почти полностью:

«Копия депеши Киселеву в Париж из Санкт-Петербурга от 5 апреля 1852 г.

Министерство иностранных дел Российской империи с большим интересом ознакомилось с каждым Вашим посланием, касающимся вопроса конверсии 5% французской ренты.

Еще до принятия этого решения, которое было официально объявлено на основании Декрета, что явилось достаточно внезапным и неожиданным фактом, наше правительство уже рассматривало возможность использования средств, размещенных в вышеуказанную ренту, в интересах финансовых операций в России для чего предусматривалась постепенная продажа французской ренты. Этот проект уже начал реализовываться.

Мы полагаем, что правительство Французской Республики сочтет совершенно естественным, что поставленные перед выбором из двух альтернатив, предложенных Декретом Принца-президента, мы предпочтем, естественно, выплаты по французской ренте.

Между тем, принимая это решение, Император учел, что продажа на бирже такого большого количества ренты или предъявление требования по выплатам по этим ценным бумагам может оказать негативное воздействие на общественное мнение, что повлечет за собой падение курсовой стоимости ренты, а также значительный рост числа требований со стороны резидентов по выплатам по ренте. В связи с этим французское правительство будет вынуждено привлечь большие финансовые средства для удовлетворения

этих требований, что может привести к срыву этой важной операции, которая предпринята Принцем-президентом, или, по крайней мере, оказать отрицательное воздействие как на ее исполнение, так и на ее исход.

Чувства доброго отношения, которые питает Его Высочество по отношению к французскому правительству, оказали воздействие на принятие решение по этому вопросу. Именно поэтому наш Августейший монарх посчитал своим долгом ожидать окончания 20-дневного срока, предусмотренного для принятия решения держателями ренты во Франции.

Теперь после истечения этого срока, а также после того, как благодаря мудрым мерам, принятым для поддержания курса ренты выше номинала, французскому правительству пришлось выплатить лишь незначительную сумму капитала внутри страны, что означает полный успех этой крупной операции по конверсии 5% ренты, мы считаем своим долгом действовать, руководствуясь нашими собственными интересами.

На имя Министерства финансов Российской империи в Главной книге государственного долга Франции зарегистрирован 1 530 000 фр. 5% ренты, что составляет по номинальному капиталу 30 600 000 фр.

С получением настоящего письма Вашему Превосходительству надлежит официально предъявить требование по выплатам по ренте в соответствии с 2-месячным сроком, установленным для держателей ренты нерезидентов Франции. Кроме того, Вам поручают провести переговоры с министром финансов Франции для достижения общего соглашения по срокам производства выплат по ренте. Стремясь не допустить перенос выплат на более длительные сроки, имперское правительство с целью облегчения для Франции выплат по ренте добровольно готово принять график постепенных платежей по ренте с тем, чтобы окончательный расчет был произведен не позднее, чем через 6–8 мес. после его начала.

В приложении к настоящему письму Вам направлены четыре учетные записи ренты, зарегистрированные на имя Министерства финансов Российской империи, всего 1 530 000 фр. 5% ренты, что в номинальном капитале составляет 30 600 000 фр., а также две доверенности, на основании которых Вам дается право потребовать производства выплат по ренте и получить причитающиеся суммы и накопленные проценты» (25).

Получив эти указания, Н.Д. Киселев приступил к выполнению государственного поручения с присущим ему усердием и рвением. Прежде всего, ему надлежало провести переговоры с министром финансов Франции Ж. Бино для согласования сроков предъявления Россией требования о выплате по ренте, чтобы не усложнить финансовое положение французской стороны. По соображениям секретности эти переговоры происходили поздно вечером с глазу на глаз, почти как в детективном романе. Вот как доносил об этом сам Киселев графу Нессельроде:

«Вследствие предварительной договоренности, достигнутой между мной и господином Ж. Бино, именно вчера в 10 ч вечера я направился в Ми-

нистерство, чтобы вручить ему официальное письмо, в котором я на основании отданных Вами указаний, предъявил требование о выплате по 5% ренте, зарегистрированной на имя Министерства финансов Российской империи, и остающейся у меня на руках после проведения трансфертов и продаж на месте, произведенных по распоряжению правительства Российской империи.

Именно идя навстречу настойчивой просьбе господина Бино, я отложил на такое позднее время предъявление моего формального требования о выплате по ренте, поскольку у него имелись опасения, что если я это сделаю раньше, в течение дня, то известие о моем демарше может стать достоянием гласности в результате несоблюдения конфиденциальности отдельными его сотрудниками, которым, несомненно, станет известно о моих действиях, что может подтолкнуть других лиц к принятию решения о предъявлении требования о выплате по ренте, нежели о ее конверсии.

Таким образом, моя встреча с министром состоялась между 10 и 11 ч вечера. Я передал ему официальное письмо, копия которого прилагается к письму Вашему Сиятельству, а также подлинник доверенности, выданной мне Министерством финансов Российской империи и три учетные записи на 1 440 000 фр. 5% французской ренты в обмен на которые министр выдал мне расписку, любезно подготовленную заранее» (26).

Находясь наедине с министром финансов Ж. Бино, Н.Д. Киселев вдруг вспомнил события 1847 г., о чем не преминул доложить главе дипломатического ведомства: «В назначенный час я был принят господином Ж. Бино в том же самом кабинете, в котором 5 лет тому назад я впервые встретился с господином Лакавом, бывшим в то время министром финансов, по вопросу обсуждения с ним любезного предложения Императора Российской империи о покупке у Банка Франции французской ренты на общую сумму 50 млн франков, который в тот период испытывал значительные трудности, связанные с дефицитом резерва наличных денег. Это предложение, которое явилось как неожиданным, так и спасительным, было воспринято с большим желанием и признательностью» (27).

Конечно, французская сторона была заинтересована в том, чтобы такой крупный держатель ее ценных бумаг, как Россия, согласился на конверсию. Ведь само упоминание Министерства финансов Российской Империи в Главной книге учета государственного долга Франции повышало доверие на рынке к этому виду финансовых обязательств Парижа. Интерес этот был настолько велик, что теперь уже сам министр финансов Ж. Бино буквально тайно, опять же под покровом ночи, приехал в резиденцию Н.Д. Киселева для ведения переговоров! Главное было не спугнуть других инвесторов и сохранить как можно дольше в секрете переговоры с представителем Санкт-Петербурга. Любая утечка информации могла спровоцировать панику на бирже, а платить Министерству финансов Франции ой как не хотелось!

Падение же фондов на парижской бирже неизбежно привело бы к срыву планов конверсии ренты. Дело шло ни много ни мало о 3,5 млрд франков.

Итак, вновь перед Н.Д. Киселевым была поставлена важнейшая финансовая задача получения денег, причитающихся правительству Российской Империи по выплатам за французскую ренту. В очередной раз нашему герою было оказано исключительное доверие со стороны высшего руководства страны, которое ни минуту не сомневалось в его честности и порядочности. Санкт-Петербург уполномочил его получить наличными 30 млн франков! При этом он был обязан соблюсти не только интересы Российской Империи, но и, следуя указаниям своего императора, обеспечить успешное проведение операции по конверсии с французской стороной.

Таким образом, проведение этой сделки можно условно разделить на несколько этапов. Прежде всего, это согласование сроков предъявления требования о выплате, что требовало большого искусства и осторожности, особенно в связи с личной заинтересованностью российского императора.

Затем наступила очередь получения важнейших финансовых документов: доверенностей от Министерства финансов России, а также учетных записей ренты.

Кроме того, для временного размещения средств от продажи ренты предусматривалось использовать счет, который планировалось открыть в Банке Франции по предъявлению платежного поручения на всю сумму, которое обещал выписать на имя Киселева министр финансов Франции Ж. Бино. В одном из своих докладов Киселев сообщает: «После исполнения многочисленных формальностей, которые были возложены на меня для получения в Государственном казначействе Франции денежных средств, причитающихся по выплатам за 1 440 000 франков 5% ренты, на сумму номинального капитала 29 024 000 франков плюс проценты, начисленные за период с 22 сентября по 17 мая, 14 мая вечером я получил в Министерстве финансов вышеуказанную сумму, как мне было обещано господином Ж. Бино, в виде платежного поручения, выписанного на эту сумму на Банк Франции. Я немедленно депонировал эту сумму в Банке Франции, в котором в обмен на врученное платежное поручение мне был открыт текущий счет» (28).

Как видим, доверие к Н.Д. Киселеву со стороны Санкт-Петербурга было полным и безоговорочным. Ведь он мог совершенно спокойно получить все эти миллионы наличными золотом или перевести деньги в любой банк мира по своему усмотрению. И тогда... здравствуй, например, Америка! Где никто не интересовался происхождением капиталов. А из-за океана, как и с Дона, выдачи нет.

Но не было, да и не могло быть подобных мыслей у такого патриота, как Николай Дмитриевич. И сколько не жил бы он за границей, хотя и писать, и, возможно, уже и думать по-французски ему было куда легче, чем по-русски, служил Киселев-младший только интересам России. Даже когда это касалось денег, очень больших денег. (А ведь история России того времени богата громкими скандалами, связанными с растратами и воровством госу-

дарственных средств. Но не будем вспоминать здесь имена высокопоставленных казнокрадов: они того не заслужили, чтобы их помнили.)

Одновременно Н.Д. Киселеву пришлось принимать участие в биржевых операциях, проводимых с целью продажи части ренты, в том числе и в сделках по учету ренты, что являлось для него незнакомым делом.

В частности, он сообщал:

«Одним из средств удержания курсовой стоимости ренты являются операции по учету ренты, то есть возможность, предоставляемая любому покупателю на срок потребовать поставку ренты до его наступления против немедленного платежа наличными.

Эта возможность была использована покупателем 81 000 франков 4½% ренты, что в точности соответствовало 90 000 франков 5% ренты, составлявшим сумму одной из четырех учетных записей, которые находились у меня на руках и которые я использовал для осуществления поставки 81 000 франков учтенной 4½% ренты. Вырученная за нее сумма в серебряной монете мне была немедленно вручена.

По состоянию на конец текущего месяца после проведения этой учетной операции Государственное казначейство Российской империи оставалось владельцем еще 94 500 франков 4½% французской ренты, в отношении которой также могли быть предъявлены требования о немедленной поставке» (29).

В интересах дела Н.Д. Киселев умело использовал большой опыт ряда банкирских домов в Париже, с которыми успешно взаимодействовал пять лет тому назад при покупке ренты в 1847 г.

«Одновременно я перепоручаю незаметным заботам банкирских домов «Шарль Турнейсен и К» (30), «Феликс Верн и К» (31) и «Хомберг и К» (32) выполнение задачи по продажам 5% французской ренты в соответствии с распоряжениями, о которых они непосредственно проинформированы нашим Министерством финансов. С моей стороны я планирую еще раз встретиться с ними, чтобы обсудить все предстоящие операции, приложив все мои усилия для соблюдения наших финансовых интересов» (33), – писал Н.Д. Киселев.

На последнем этапе Н.Д. Киселев усердно выполнял указания Санкт-Петербурга об использовании денежных средств, вырученных за продажу ренты, одновременно выступая в качестве и кассира, и бухгалтера. В целом описанная операция, как следует из ниже приведенной записки Нессельроде, была проведена успешно.

«В тот момент, когда я садился в карету, я получил, мой дорогой Сенявин (34), прилагаемую депешу от Киселева, содержание которой необходимо незамедлительно довести до сведения Министерства финансов. Поэтому соблаговолите отправить ее немедленно господину Броку (35) и передайте ему от моего имени поздравления по случаю тех успешных и результативных усилий, которые способствовали исполнению намерений Императора в Париже.

Всегда Ваш,

Подпись: Нессельроде.

Варшава, 25 апреля 1852» (36).

Окончательный отчет по операции был представлен в январе 1853 г. банкирским домом «Штиглиц и К» (37), владелец которого А.Л. Штиглиц являлся придворным банкиром Российского императорского двора.

Так закончилась финансовая история покупки Россией французской ренты, в основе которой лежали отнюдь не корыстные мотивы получения рентного дохода (10,5 млн франков по процентам за 5 лет, то есть чуть более 2,5 млн руб. в серебряной монете – капля в море для бюджета России того времени), а скорее благородные помыслы и чувства, которыми руководствовался Августейший правитель России.

Однако общественное мнение России того времени этот вопрос продолжал занимать чрезвычайно. Так, в своих дневниковых записях генерал-лейтенант Л.В. Дубельт, начальник штаба Корпуса жандармов, управляющий III отделения Собственной Его Императорского Высочества канцелярии, отмечал: «Государь дал Франции денег займы. Поступок его, конечно, великолепный, но боюсь, что немногие оценят его. Иные скажут, что это из хвастовства; другие, что он хочет подкупить французское народное мнение; третьи станут жаловаться, зачем столько денег уходит за границу, когда сама Россия нуждается во многом. Мало кто поймет и оценит истинное побуждение высокой души Государя: желание отплатить добром лютейшим врагам своим. Впрочем, нечего смотреть на дураков и на неблагонамеренных людей. Угодить всем нельзя, так лучше же действовать по внушению сердца, когда внушение это так благородно. Все честные люди довольны Его поступком и гордятся тем, что делает честь Отечеству» (38).

Ему вторил, отражая реакцию французского общества, второй секретарь посольства России во Франции Виктор Балабин: «Каким образом, – слышалось со всех сторон, – Россия, которую мы считали нищей страной, находящейся на краю финансовой пропасти и мечтающей только о завоеваниях, чтобы путем ловли рыбы в мутной воде восстановить свое положение. Эта Россия, которая нас ненавидит, сегодня одной рукой протягивает нам хлеб, а другой осыпает нас деньгами, чтобы восстановить нашу платежеспособность. Это также невероятно, как и прекрасно! Наверное, в этом что-то кроется» (39).

К сожалению, мы не располагаем сведениями, как Император отблагодарил Н.Д. Киселева за его усердную службу при осуществлении столь ответственных государственных поручений.

Но были в его карьере и огорчения. Так, уже упоминавшаяся княгиня Ливен сыграла в его судьбе отрицательную роль. Тесная многолетняя (с 1836 г.) связь с министром иностранных дел Франции Ф. Гизо дала возможность Ливен вести в Париже определенную дипломатическую игру. Она превратила свой салон в центр разнообразных дипломатических интриг и слухов, достоверность которых, казалось, обеспечивалась ее широкими связями. На самом деле ее салон нередко служил целям дезинформации дип-

корпуса в Париже. Именно там Н.Д. Киселев получил ошибочные данные о невозможности франко-английского союза, дезориентировавшие Николая I и Нессельроде перед Крымской войной.

Так, в своей книге «История второй империи (1848–1869 гг.)» Таксиль Делор писал: «Царь в дружеских беседах с сэром Гамильтоном Сеймуром (40) часто выражал убежденность в том, что Великобритания абсолютно неспособна на какую-либо авантюру. Он всегда отвечал тем, кто поднимал при нем вопрос о возможности альянса между Великобританией и Францией: «Побежденные при Ватерлоо никогда не будут союзниками их победителей». Господин Киселев, его посол в Париже, достаточно разумный человек, но поверхностный наблюдатель, не смог заметить тех изменений, которые произошли за тридцатилетний период мирного сосуществования во взаимоотношениях Франции и Великобритании и всячески поддерживал иллюзии своего императора. Правительство, образованное в результате государственного переворота 2 декабря (41), пыталось найти союзников во всех уголках Европы, особенно оно было заинтересовано в союзе со свободным правительством, и не столько для обеспечения своей безопасности, а скорее из-за соображений престижа. Таким образом оно стремилось к союзу с Великобританией. Господин Киселев не понял этого очевидного факта и настоятельно отрицал возможность союза между правительством французской империи и Великобританией. Он всячески убеждал своего монарха в этих идеях, что привело к крупной ошибке во внешней политике» (42).

Серьезный политический просчет Н.Д. Киселева оказал влияние на его карьеру: авторитет дипломата был подорван. Его ждало новое назначение. Начинался очередной этап дипломатической деятельности Н.Д. Киселева, теперь уже в другой стране – Италии. С 1855 г. он является посланником при римском и тосканском дворах, в 1864–1869 гг. – посланник в едином Итальянском королевстве.

К сожалению, какие-либо сведения о дальнейшей деятельности Н.Д. Киселева согласно тематике настоящей статьи отсутствуют. Однако, по воспоминаниям его современников, он по-прежнему вел образ жизни блестящего дипломата, возможно, несколько разочарованного ошибками в дипломатической карьере, но отнюдь не утратившего вкус к жизни и земным удовольствиям, которым он посвящал большую часть своего времени. Приведем лишь несколько примеров, характеризующих его пребывание в Италии: «...Вчера я принимал участие в обеде у господина Киселева, организованном с большим размахом и присущей ему изысканностью» (43).

«...Внезапная смерть одного из моих знакомых вызвала большие волнения в высшем обществе. Это был настоящий ценитель кулинарного искусства, у которого служил один из лучших поваров города, и его соперничество с господином Киселевым, министром России, по вопросам первенства в великолепии блюд являлось темой, часто обсуждаемой в великосветских салонах» (44).

А еще его, убежденного старого холостяка, ждала большая любовь и... женитьба.

«...Представителем России являлся господин Киселев, министр и брат графа Киселева, посла в Париже. Гораздо более увлеченный получением удовольствий от жизни, чем успехами на политическом поприще, господин Киселев славился самыми роскошными апартаментами и лучшим поваром в Риме. Именно этим он более всего дорожил. Старый холостяк и достаточно большой эгоист, он приглашал на свои обеды самых веселых и приятных людей. Он достаточно спокойно купался в удовольствиях жизни, как вдруг на его убеленную сединой, но еще достаточно приятную голову, свалилась неожиданная любовь. Утонченный дипломат не смог устоять перед чарами очень соблазнительной вдовы, графини донны Франчески Торлония, самой красивой и без преувеличения лучшей из великосветских дам Рима. Дочь младшего представителя семьи Русполи (45), донна Франческа обладала лишь одним приданным – своей красотой. Поэтому она решительно приняла предложение вступить в брак, сделанное со стороны министра России.

Вступление дамы высшего итальянского общества в брак с «раскольником» против воли Верховного Понтифика потрясло общество и вызвало большой скандал. Поэтому молодожены были вынуждены покинуть Рим и обвенчаться во Франции, а министр сменил пост на место во Флоренции» (46).

Умер Николай Дмитриевич Киселев в 1872 г. во Флоренции и, как истинный патриот, завещал предать свой прах родной земле. Что и было исполнено. Он покоится рядом со своим сиятельным братом на кладбище Донского монастыря в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Герб рода Киселевых // Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи // <http://gerbovnik.ru/arms>
- (2) Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – СПб, 1803. – Ч. 2. – С. 15.
- (3) *Милютин Д.А.* Дневник 1882–1890. – М., 2010. – С. 204–207.
- (4) *Орлик О.В.* Социально-политическая и дипломатическая деятельность Н.Д. Киселева // Новая и новейшая история. – 1992. – № 2. – С. 149–164.
- (5) *Милютин Д.А.* Воспоминания. – Томск, 1919. – Т. 1: Военная академия. – С. 14.
- (6) Дневник Annette. – М., 1994. – С. 114.
- (7) Там же. – С. 125–126.
- (8) *Милютин Д.А.* Воспоминания. – С. 14.
- (9) *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. – М., 1992. – С. 214. См. также: *Орлик О.В.* Социально-политическая и дипломатическая деятельность Н.Д. Киселева. – С. 149–164.
- (10) *Милютин Д.А.* Воспоминания... – С. 17.
- (11) *Смирнова-Россет А.О.* Автобиография. – М., 1931. – С. 203.

- (12) *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. См. также: *Орлик О.В.* Социально-политическая и дипломатическая деятельность Н.Д. Киселева – С. 149–164.
- (13) *Bled V. de.* La société française du XVIe siècle au XXe siècle. – P., 1902. – С. 175–176.
- (14) *Apponi R.* De la Révolution à coup d'État. 1848–1851. – Genève, 1926. – P. 172.
- (15) *Dubois U., Bernard E.* La cuisine classique. – P., 1856. – С. 67.
- (16) Les archives de la Banque de France (ABF). Dossier «La Russie». Correspondence. – P., 1847. – Т. 1. – С. 1.
- (17) Там же. – С. 3.
- (18) Там же. – С. 11.
- (19) Более полно об экономическом содержании сделки см. также: *Татаринов С.В.* История покупки Россией французской ренты в 1847 году – в контексте итогов финансовой политики Е.Ф. Канкрин // Деньги и кредит. – 2011. – № 9. – С. 60–66.
- (20) *Balabine V. de.* Journal. 1842–1847. – P., 1914. – С. 285–286.
- (21) ABF. Dossier «La Russie». Correspondence. – С. 13.
- (22) Ibid. – С. 14.
- (23) РГИА. – Ф. 583. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 21–22.
- (24) Там же. – Л. 4.
- (25) Там же. – Ф. 253. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 73.
- (26) Там же. – Л. 27–30.
- (27) Там же. – Л. 94–95.
- (28) Там же. – Ф. 583. – Оп. 2. – Д. 44. – Л. 123–125.
- (29) Там же. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 123–125.
- (30) Банкирский дом в Париже, глава которого являлся личным банкиром посольства России в Париже. Располагался по адресу: Париж, ул. Шоссе д'Антэн, 22.
- (31) Банкирский дом в Париже, основателем которого являлся Феликс Верн, брат заместителя Управляющего Банка Франции Шарля Верна, который представлял интересы Банка Франции в России в ходе реализации соглашения о покупке французской ренты российским правительством в 1847 г.
- (32) Банкирский дом в Париже, основанный выходцами из известной судостроительной компании «Вдова Хомберг, братья Хомберг и К» в Гавре.
- (33) РГИА. – Ф. 583. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 94–98.
- (34) Л.Г. Сенявин – заместитель министра иностранных дел Российской Империи.
- (35) П.Ф. Брок – министр финансов Российской Империи (1852–1858).
- (36) РГИА. – Ф. 583. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 93.
- (37) Банкирский дом в Санкт-Петербурге.
- (38) Российский архив. История отечества. – М., 1995. – Т. 6: Студия «Тритэ». – С. 122.
- (39) *Balabine V. de.* Journal. 1842–1847. – С. 285–286.
- (40) Посол Великобритании в России (1851–1854).
- (41) Государственный переворот 2 декабря 1851 г., приведший к ликвидации Второй республики (1848–1852) и установлению Второй империи (1852–1870) во Франции.
- (42) *Delord T.* Histoire du Second Empire (1848–1869). – P., 1869. – P. 530–531.
- (43) *D'Ideville H.* Journal du diplomate en Italie. Notes intimes pour servir l'histoire de la Deuxième Empire. 1862–1866. – P., 1872–1873. – С. 14.
- (44) Там же. – С. 141.
- (45) Древний и знатный итальянский род, берущий свое начало в XIII в.
- (46) *D'Ideville H.* Journal du diplomate en Italie... – С. 39.

**IN SHADOW OF GREAT BROTHER:
DIPLOMAT AND FINANCIER N.D. KISELYOV**

M.A. Yelistratov, S.V. Tatarinov

Department of External and Public Relations

Bank of Russia

Neglinnaya Str., 12, Moscow, Russia, 107016

The author analyzes famous Russian diplomat N.D. Kiselyov's participation in the financial transactions on purchase and sale of French rent in the middle of the 19th century. It is a rare example of Russia crediting of an industrially developed Western European country. It should be noted that all archival documents both in French and Russian used in the article are published for the first time.

Key words: France, Kiselyov, rent, Banque de France, Ministry of Finance, Binot, Guizot, d'Argout, Nesselrode.